

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ

РЕГУЛИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ СУЩЕСТВУЮЩИХ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ¹

А. И. Татаркин

В статье исследованы регулирующие возможности используемых на практике моделей и их позитивное влияние на социально-экономическое и общественное развитие разных стран мирового сообщества. В основе авторской позиции повышения результативности регулирующего воздействия на отношения между различными субъектами рыночных отношений используется широко обсуждаемый тезис о необходимости органического сочетания государственного регулирования с рыночным саморегулированием и саморазвитием рыночных агентов. Автор предлагает в рамках смешанной (конвергируемой, или двухпутной) модели социально-экономического и общественного развития активнее и, главное, результативнее использовать государственное регулирование, создавая наиболее благоприятные макроэкономические условия для бизнеса и жизнедеятельности населения. Микроэкономический уровень предлагается регулировать преимущественно посредством саморазвития рыночных агентов.

«Великие нации никогда не беднеют из-за расточительности и небагоразумия частных лиц, но они нередко беднеют в результате расточительности и небагоразумия государственной власти».

А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов [21, с. 349].

Последствия мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. потребовали от отдельных стран и всего мирового сообщества разработки, обсуждения и принятия на страновом и межстрановом уровнях комплекса мер по повышению результативности регулирующего влияния как рыночных институтов и механизмов, так и государственных. Решения «Большой двадцатки» и «Большой восьмерки» призваны повысить устойчивость стран к сбоям в экономическом развитии посредством координации своих действий, существенного ограничения рисков от расширения сфер влияния и способов обогащения транснациональных компаний и спекулятивного капитала путем повышения эффективности национальных и наднациональных регуляторов. В отечественной и зарубежной литературе активно обсуждается роль регулирующего воздействия на социально-экономические и общественные процессы [12, с. 8-14; 25, с. 8-17], предлагаются методики экономической оценки регулирующего воздействия субъекта регулирования на регулируемый объект [12, с. 69-75; 6, с.

36-51], формулируются предложения по совершенствованию правовых регуляторов для достижения устойчивости развития [22, с. 3-10; 13, с. 24-28]. Обосновываются математические модели «оптимальности разрабатываемого регулирующего решения» [5, с. 33-51; 30, с. 67-84], на основе «экономико-математического моделирования обосновывается несостоятельность действующей экономической системы России, а также погрешности ее конструкции, ответственные за сбои в работе хозяйственного механизма» [4, 2].

Потенциал регулирующих моделей в социально-экономическом развитии

Традиционно считается, что каждая страна обладает широким набором регулирующих воздействий на всех субъектов и участников рынка и использует его в интересах развития с учетом, во-первых, сложившихся в стране социальных, инфраструктурных, пространственных, экономических и иных особенностей и стоящих перед обществом приоритетных задач; во-вторых, сформировавшихся в обществе национальных, культурных, исторических и иных традиций и образа жизни населения; в-третьих, принятых населением формы государственного устройства (унитарного, фе-

¹ Статья подготовлена на средства программы УрО РАН 12-7-8-007 Арктика «Формирование институциональных основ и организационно-экономических механизмов инновационного освоения арктических территорий».

деративного, конфедеративного) и формы государственного правления (монархия, президентская и парламентская республика). Можно классифицировать основные научные подходы и модели социально-экономического и общественного развития стран (которых насчитывается более 30), регулирования рыночных процессов и отношений в разных странах по трем укрупненным группам.

Первая — с преимущественно рыночным подходом к выбору, использованию и оценке регулирующего воздействия на рыночные отношения и процессы. Наиболее известна Саламанская научная школа (Хуан де Матъенсо, Хуан де Луго и др., преобладала в XVI–XVII вв.) и считается родоначальницей теории свободных рынков с конкурентным соперничеством с полной свободой действий рыночных агентов.

С конца XVII в. и на протяжении XVIII–XIX вв. национальные рыночные системы развивались в рамках классической школы, у истоков которой были величайшие экономисты Вильям Петти, Адам Смит, Давид Рикардо, Жан Батист Сэй. По мнению представителей данного научного направления, использование принципов невмешательства и полная свобода рыночной деятельности обеспечивают наиболее эффективное распределение по Парето. Главный постулат представителей этой школы сводится к убеждению, что перепроизводство в рыночной экономике невозможно в принципе, поскольку производство через рыночные механизмы «невидимой рукой» (по А. Смиту) автоматически формирует свой собственный спрос на производимые в обществе товары и услуги. Хотя понятие «невидимая рука рынка» используется автором не в плане признания за рынком всеобщего и единственно эффективного регулятора экономических отношений, а в качестве механизма, способного через достижение собственного экономического интереса в производстве и присвоении прибавочной стоимости обеспечивать «поддержку отечественной промышленности...» «Разумеется, — подчеркивает А. Смит, — обычно он (владелец капитала — А. Т.) не имеет в виду содействовать общественной пользе и не осознает, насколько он содействует ей... Он имеет в виду лишь свой собственный интерес... преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения...» [21, с. 443]. А. Смит последовательно и решительно выступал против ограничений свободы предпринимательства и торговли в том числе и посредством ограничения

монополизации экономики, излишнего государственного вмешательства в экономическое развитие, возрастающих государственных расходов.

В XIX в. зародилась, а XX в. — приобрела наибольшую популярность Кембриджская научная школа Альфреда Маршалла, Артура Пигу и др. Свободная конкуренция как особый институт организации бизнеса распространяется у Маршалла на форму свободы производства и предпринимательства. Свободная конкуренция рассматривается как способ организации, обеспечивающий оптимальное распределение труда, ресурсов и возрастающую эффективность экономики.

Представители австрийской научной школы (Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес, Бенджамин Андерсон и др., XIX–XX вв.) в своих теоретических исследованиях исходили из убеждения, что эффективный обмен и рациональное использование ресурсов возможно лишь посредством ценового механизма на свободном от государственного вмешательства рынке. Именно ценовой механизм, по их мнению, способен оптимально разделить и синхронизировать общее и личное знание, позволяя обществу добиваться наивысших результатов использованием принципа непосредственной самоорганизации. Из этих посылов они делали вывод о невозможности централизованного государственного планирования рыночных систем.

Центральной идеей видных представителей чикагской научной школы Милтона Фридмана, Арнольда Харбергера, Гарольда Демсеца и др. стала децентрализация власти и передача полномочий на максимально низовой уровень, поскольку, по их мнению, существует прямая зависимость между экономическим ростом и экономической свободой населения и рыночных агентов.

Вторая — с преобладанием государственного планового регулирования всех социально-экономических, в том числе и рыночных, отношений и процессов. В этой группе интерес представляют две научные школы. Представители школы экономического романтизма (Жан Шарль Сисмонди, Пьер Жозеф Прудон) исходили из убежденности в том, что невидимая рука рынка работает не всегда в интересах поддержания требуемого равновесия, как и погоня за увеличением личного дохода не всегда может оцениваться как общественное благо. Необходимость регулирующего вмешательства государства в рыночные процессы обосновывается необходимостью сглаживать

страдания населения в периоды кризисов перепроизводства, которые есть результат опережения производством спроса населения.

Видные представители марксистской научной школы Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Карл Каутский, Владимир Ленин и др. исходили из убеждения, что только общественная собственность на средства и результаты производства при плановой организации производственного процесса способны устранить «анархию» и «диспропорции» рынка и вывести социально-экономическое и общественное развитие на путь устойчивости и сбалансированности.

Третья группа — смешанный вариант регулирующего воздействия государства на социально-экономическое развитие и рыночное саморегулирование. Многие авторы характеризуют его как двухпутную (*double track*) экономику, достаточно успешно реализуемую в Швеции, Китае, Бразилии и некоторых других странах. Смешанный (конвергируемый, двухпутный) вариант имеет свои относительно обособленные научные школы и направления исследования. В частности, кейнсианская научная школа (Джон Кейнс, Джон Хикс, Джоан Робинсон и др.) за основу своего исследования принимает объективную неизбежность экономических кризисов при капитализме, что делает неизбежным участие государства и его регулирующего потенциала для постоянного поддержания устойчивости и сбалансированности социально-экономического развития. Представители научного направления в отношении конвергенции (сближения) капиталистической рыночной и государственной плановой систем регулирования (Джон Гэлбрейт, Торстейн Веблен и др.) исходят из неизбежности постепенного сближения капитализма и социализма и заимствования друг у друга положительных качеств в целях формирования постиндустриального общества, свободного от рыночных и плановых изъянов. По мнению Дж. К. Гэлбрейта, основная причина третьего кризиса экономической науки «заключается в неправильной оценке роли регулирования. Нас учили, что регулирование — это бремя, иногда необходимое, но дорогостоящее, однако в настоящее время основные механизмы регулирования „уничтожены” или „ограничены”» [3, с. 27, 28].

В 80-е гг. XX в. под влиянием усиливающихся процессов глобализации, углубления диспропорций в развитии, роста социальных обязательств государства при возрастающей дефицитности бюджетов большинства стран и участвовавших экономических кризисов сфор-

мировалось понимание необходимости структурных и функциональных изменений в системе публичного управления общественным развитием. Сформировалась модель «нового государственного управления» (*New Public Management*), теоретико-методологической основой которой стало, во-первых, ограничение практик формирования государства всеобщего благосостояния главным образом посредством перераспределения доходов в пользу групп населения с низкими доходами. Во-вторых, расширение практик экономической выгоды функционирования государственных структур, формирование духа предпринимательства на основе квазирыночных отношений при предоставлении публичных услуг государством гражданам и рыночным агентам. Расширение горизонтов рыночного регулирования, более эффективных с позиций государственных оценок и более результативных в оценках населения и бизнеса, новое государственное управление не ограничивает, оно, наоборот, расширяет сферу государственного планирования, вовлекая в качестве его регулирующего объекта муниципальные образования и интеграционные связи между ними.

Краткий экскурс в содержание наиболее обсуждаемых моделей социально-экономического развития и предлагающих их научных школ позволяет выделить то общее, что их объединяет, и то существенное, что их разъединяет. Объединяющим началом для всех моделей и школ является поиск наиболее эффективных и результативных государственных и рыночных регуляторов, зачастую отвергая другие по основаниям, далеким от экономики, — идеологическим, политическим, нравственным. Разъединяет все вышеперечисленные модели и школы, на наш взгляд, отсутствие стремления осознать очевидную истину: в природе и обществе нет и не может быть явления (процесса, отношения, института, модели, теории, механизма и др.) только с положительными или только с отрицательными характеристиками, как нет атома только с положительным или только отрицательным зарядом. Тем более, если исследуется проблема социально-экономического развития, где каждый даже незначительный источник или фактор роста может стать решающим в конкурентном противостоянии.

Диалектика развития любого явления (процесса, отношения, института) основана на борьбе противоположностей, которые и становятся источником их устойчивого или замедленного развития, а то и гибели. Именно по-

этому нами предлагается регулирующий потенциал общества рассматривать в единстве всех существующих и действующих в обществе форм, институтов и моделей регулирующего воздействия на социально-экономические и общественно-политические процессы в целях обеспечения устойчивого и сбалансированного экономического роста, поддержания социального согласия в обществе и повышения качества жизни всего населения. Предлагаемая формулировка регулирующего потенциала общественного и социально-экономического развития требует, на наш взгляд, большей ее конкретизации относительно разных уровней общественного и государственного обустройства — регионов, муниципалитетов и иных территориально-пространственных образований (агломераций, экономических зон, кластерных объединений).

Механизмы формирования и использования экономических регуляторов

Общепринятым считается положение, что регулирование может по-разному влиять на развитие социально-экономических и общественных процессов. Во-первых, оно может содействовать и мотивировать социально-экономическое развитие в нужном обществе направлении, если объективно учитывает внешние условия и реально оценивает регулирующий потенциал общества. Во-вторых, регулирование может сдерживать социально-экономическое развитие при формальном отношении к оценке возможностей достижения конечного результата регулирования социально-экономического развития. Примеров подобного сдерживания можно назвать множество: от чисто субъективного желания российских правительственных чиновников вплоть до 2020 г. ежегодно повышать цены и тарифы на газ, электроэнергию, железнодорожные перевозки, коммунальные услуги на 8–31% до увеличения страховых и пенсионных взносов малым бизнесом и индивидуальными предпринимателями, что привело к резкому сокращению их численности, а следовательно, и деловой активности во всех российских регионах.

В-третьих, при слабой научной проработанности регулирующее воздействие может выступать искусственным барьером на пути устойчивого социально-экономического развития в целом или отдельных его сегментов. По мнению Т. Фомченкова, от «500 тысяч или даже миллион человек можно вовлечь в малый бизнес дополнительно, правильно отре-

гулировав и настроив налоговую систему» [26, с. 5]. К сожалению, «настройки» российской власти зачастую получают вредными для регулируемого объекта. Неподготовленное, исключительно волевое повышение в 2013 г. Правительством РФ более чем в 2 раза размера фиксированного страхового взноса по обязательному пенсионному страхованию для индивидуальных предпринимателей вызвало резкое снижение их численности и снятие с учета: во Владимирской области — 6800, в Кировской — 6493, Республике Бурятия — 4133, в Томской области — 4000, Калининградской — 2872, Брянской — 7557 [14, с. 1, 3]. Подобное государственное регулирование исключило из экономической деятельности более 100 тыс. индивидуальных предпринимателей, лишив их (и работающих с ними) работы и источника средств к существованию, при этом не обеспечило реализацию цели — наполнить до краев страховую часть пенсионного фонда. Наполнить не наполнили, а региональным и муниципальным бюджетам вред нанесен заметный. По оценке аудитора счетной палаты Ю. Росляка, бюджеты Белгородской области от «регулирующих щедрот правительства» оскудели в 2013 г. на 247 млн руб., во Владимирской — на 46 млн руб., в Кировской — на 28 млн руб. [14, с. 3]. И это только прямые налоги!

Вывод в подобных случаях напрашивается однозначный: слишком дорого обходится российскому обществу формальное отношение власти к качеству государственно-правовых регуляторов.

Серьезные претензии к качеству государственного регулирования и у Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП). Главной проблемой, сдерживающей развитие российских компаний, по мнению членов РСПП [15, с. 38–41], стала нехватка квалифицированных кадров и слабая научная проработка принимаемых правительством регулирующих решений. Нехватка квалифицированных кадров обусловлена, по оценкам 44,4% участников Союза, перманентным реформированием системы образования без определения понятной и реализуемой в конечном результате цели в условиях ограниченного финансового обеспечения реформы при сохранении низкой оплатой труда преподавателей. Именно нехватка квалифицированных кадров сдерживает решение компаниями вопросов повышения качества управления и эффективности компаний, их инновационного обновления и повышения конкурентоспособности,

увеличения объемов производства и снижения затрат.

Особо дефицитны профессии квалифицированных рабочих, нехватку которых отметили 69,8% опрошенных, специалистов высшего уровня профессиональной квалификации (61,6%). В большом дефиците операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин (49,4%), специалисты среднего уровня профессиональной квалификации (42,2%), руководители организаций и их структурных подразделений (33,7% опрошенных). Даже нехватку работников сферы обслуживания отметили 11% респондентов, а неквалифицированных рабочих — 19,2%. Столько же не хватает специалистов по работе с информацией и документами. А ведь эти проблемы возникли не на пустом месте, а стали результатом «шоковой приватизации всего и вся» — регулирующего решения, которое, по мнению американского профессора М. Хансона, обрекло Россию и российское население на нищету и страдания [27, с. 49-64].

Проблема ценового и тарифного регулирования, по результатам опроса членов РСПП, также продолжает оставаться сдерживающим фактором. Более 38% опрошенных членов Союза высказали обеспокоенность не контролируемым государством ростом цен и тарифов, либо созданием государством льготных ценовых (тарифных) условий для отдельных компаний, отсутствием эффективных регуляторов ценовых действий посредников. Представители бизнеса предлагают активнее использовать ценовые стимулы для импортозамещения, освоения инновационной продукции, повышения конкуренции на мировом рынке, модернизационного обновления и решения других задач.

Повышение эффективности и результативности регулирующего воздействия государства на социально-экономическое и общественное развитие рассматривается многими авторами [18, с. 5; 9, с. 7-10; 8, с. 50-53; 28, с. 2-9; 30, с. 67-84]. Предлагаются разные варианты дальнейшего повышения качества регулирующего воздействия на объекты регулирования, от перехода к проектному регулированию с научным обоснованием цели и конечного результата, определением ответственных за сопровождение проекта и мониторингом процессов его реализации до отказа от любых навязываемых обществу регулирующих реформ и инициатив без серьезной научной экспертизы и публичного общественного их одобрения. Инициатор сингапурских реформ Ли Куан Ю так объяснял успешность проведенных им реформ в стране:

«...Для улучшения положения дел в стране нам с командой с самого начала было решено быть честными и компетентными» [11, с. 7]. При последовательном руководстве этими базовыми ценностями совершенствование и модернизационное обновление государственного устройства опирались на создание объективно действующей системы обратной связи, стали востребованы населением и перестали представлять для них личную опасность. Система эффективных и взаимно востребованных обратных связей позволила сформировать систему вертикальной и горизонтальной мобильности кадров высокой квалификации, что во многом и обеспечило высокие результаты реформ.

Следует согласиться с С.Н. Конопатовым в том, что «невозможно „с нуля” и сразу построить сложную систему так, чтобы она сразу стала эффективной; невозможно кардинально реформировать сложную систему (будь то система федеративных отношений, местного самоуправления, образования или здравоохранения, ЖКХ или РАН и др. — А. Т.) так, чтобы она стала эффективной» [9, с. 52]. Сложная система потому и называется сложной, что она является результатом длительной эволюции и развития. Системное реформирование подобных объектов всегда рассматривается как неизбежное возвращение к истокам высокой их результативности в прошлые периоды и моделирование возможных сценариев развития с учетом меняющихся условий вплоть до принятия решения о реформировании.

Научный анализ и многочисленная практика успешной реализации проектов в отдельных странах (реформа А.Н. Косыгина в 1965–1970 гг., реформы в Сингапуре, новых индустриальных странах (НИС), в КНР, Индии, Бразилии и др.) позволяют сформировать определенную модель проектирования реформ и успешную, с точки зрения достижения прогнозируемого результата, поэтапную реализацию проекта. Общепринятая идеология может стать основой этапности и последовательности преобразований в экономике и обществе, ориентированных на результат.

1. Понятное для каждого жителя формулирование реально достижимой цели и общественно значимого конечного результата проводимых реформ (экономического, социального, экологического) с тем, чтобы каждый житель мог рассматривать себя как участника проектируемых преобразований и оценивать свой личный (семейный, корпоративный, групповой, национальный, интернациональный)

интерес в проведении реформы и достижении поставленной цели. Импульсивность инициирования реформ, их неподготовленность при отсутствии четких и воспринимаемых большинством населения цели и социально значимых результатов, непоследовательность в реализации превратили «реформаторские гонки» российского руководства в своеобразные игры для избранных, больше раздражающие население своей бессистемностью и ставшей уже навязчивой идеей любой правительственной инициативы — переложить на население и бизнес издержки непрофессионального регулирования и управления, но никоим образом не мобилизующие население на согласованное участие в их реализации.

Показательна оценка эффективности государственного регулирования бывшего министра финансов и заместителя главы Правительства РФ А.Л. Кудрина, инициатора централизации бюджетных средств и отказа от бюджетной самодостаточности региональных и муниципальных органов власти. Комментируя результаты проверки Генеральной прокуратурой использования бюджетных средств и решения Правительства РФ активнее привлекать представителей бизнеса и население к контролю за расходованием бюджетных средств, Алексей Леонидович был вынужден признать, что «эффективным государство будет не только тогда, когда официальные контрольные органы — Счетная палата и Госфиннадзор, — будут работать... Мы все платим налоги, — признал он, — ...но мы не всегда спрашиваем о том, куда идут полученные казной деньги. Без этой формы контроля расхода бюджетных средств нет эффективного государства» [24, с. 1, 2].

Действительно, результаты проверки Генеральной прокуратурой использования бюджетных средств за 2013 г. впечатляют и своим размахом, и цифрами. За год прокуратурой выявлено 73900 нарушений во всех сегментах госзакупок для государственных и муниципальных нужд, по результатам которых возбуждено более 500 уголовных дел, внесено более 16100 представлений и 2700 протестов на незаконные правовые акты. К административной и дисциплинарной ответственности привлечены 20000 руководителей разного уровня [24]. Но разве в бытность А.Л. Кудрина министром финансов этих нарушений не было? Были, и какие! — в МВД, Министерстве обороны, Росрыболовстве и др.

2. Научная экспертиза своевременности, обоснованности и реализуемости проекта с позиции достижения поставленной цели и вы-

хода на прогнозируемые результаты. Научная обоснованность проекта может обеспечиваться двумя путями. Представители профессионального научного сообщества могут, а по логике и должны, привлекаться к подготовке проекта с момента обсуждения проектной идеи и до ее реализации. Хотя высказываются предложения уже сейчас формировать специализированные проектные институты и (или) конструкторские бюро, в работе которых «должны принимать участие не только инженеры, экономисты, менеджеры, но и демографы, социологи, юристы и т. п. Но руководство проектом, его разработкой и реализацией следует осуществлять на принципах единоначалия» [12, с. 12].

По мнению академика РАН В.Л. Макарова, возглавлять проект должен генеральный или главный конструктор, профессионал в инженерных делах и организации проектного развития. «А уж вторым лицом может быть менеджер, специалист в бизнесе». По его мнению, руководитель проекта «должен держать в голове главное — достижение цели. А если во главе проекта будет менеджер, бизнесмен, то какова бы ни была исходная цель, он будет стремиться получить прибыль... В чисто рыночной экономике это невозможно, ибо каждый стремится получить прибыль, а не реализовать проектную цель» [12]. Российская практика реализации национальных проектов по рыночным сценариям обычно завершается сверхнормативной тратой бюджетных средств, ограниченной реализацией цели и возрастающей коррупционностью проекта. Примеры приватизации объектов государственной и муниципальной собственности, проекты создания РОСНАНО и Сколково с кураторами от бизнеса — наглядное тому подтверждение.

Второе направление участия научного сообщества в обсуждении проекта видится в публичном обсуждении проекта научным сообществом на предмет соответствия общественным потребностям, обоснованности цели и реальности достижения конечного результата, источников и участников разработки и реализации проекта. Целесообразно научно оценить полноту и эффективность задействованных форм, механизмов и институтов сопровождения процессов реализации, мониторинга и корректировки проекта под воздействием меняющихся условий (внутренних и внешних). Необходима прогнозная оценка последствий реализации проекта для страны, социально-экономического и общественно-политического положения страны в мировом сообществе, сохранения социального, политического

и пространственного ее единства, меняющегося статуса субъектов социально-экономических и общественных отношений, а также самочувствия отдельных групп населения.

3. Любое управленческое решение, призванное регулировать социально-экономические и общественные отношения, обязано соответствовать Конституции. Строгое соответствие разрабатываемого и реализуемого проекта закона, указа, постановления конституционным нормам Российской Федерации требует, на наш взгляд, обязательной экспертизы проекта Конституционным судом Российской Федерации и его обнародования. Невинное отступление от Конституции в части выборов в законодательные собрания разных уровней по партийным спискам превратилось в снежный ком сплошных и все более опасных отступлений от всенародного волеизъявления: отказ от прямых выборов губернаторов, административное введение института сити-менеджеров в муниципальных образованиях, изменение срока выборности депутатов и Президента, превращение столичных центров регионов в своеобразный гибрид местного самоуправления с административным режимом распоряжением его ресурсами и приоритетами развития.

К слову, для тех, кто не знаком с Конституцией РФ, напомним, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1910, ст. 3, ч. 1]. Там же предписано, что «высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» без каких-либо ограничений, «просеиваний» и утвержденных сверху кандидатур. Ибо «никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону» [10, ч. 4]. К Конституции РФ, как многократно отмечалось в выступлениях специалистов, политиков и высших руководителей страны, можно предъявить много претензий, требовать ее пересмотра и «подстраивать» под разные текущие потребности. На встрече с конституционалистами в Ново-Огарево (7.11.2013) Президент РФ В. В. Путин признал: «Конституция — это не тот закон, который можно менять и кромсать в угоду текущему моменту... Но если окажется, что общество созрело для изменений в тексте, наверное, можно и на это пойти» [19, с. 1, 2]. С соблюдением, добавим, прописанной в Конституции процедуры.

Открывая международную конференцию в Конституционном суде РФ 14 ноября 2013 г. «Современный конституционализм: вызовы и современность», проводимую в рамках Международного парламентского форума «Конституция. Демократия. Парламентаризм», председатель КС РФ В.Д. Зорькин отметил: «У нас много претензий к Конституции, но Конституция имеет еще больше претензий к нам... Политики и ученые не вполне ощущают, какую роль играет стабильность и сбалансированность конституционного текста, не осознают сакральную роль Основного закона как символа правовой идентичности нации...». Если у нас что-то не получается с точки зрения высоких требований современного конституционализма, то главные причины надо искать, по мнению докладчика, вовсе не в тексте Конституции, а в несовершенстве законотворческой деятельности, низкой правовой дисциплине, правовом нигилизме и попытках навязать обществу (в том числе правовыми актами) обязательства «безграничной и беспощадной толерантности». Возможности точечных, но несистемных изменений Конституции он, впрочем, не исключил с условием соблюдения всех необходимых процедур [19, с. 2].

4. Любая принимаемая государственным властными структурами регулирующая норма, если она направлена на изменение уже сложившихся правил, норм и регламента поведения коллективов, сообществ, групп населения, в обязательном порядке должна быть поддержана сообществом, условия функционирования которого меняются. И только при согласии сообщества (групп населения, союзов) регулирующее решение может официально приниматься. Действующая практика принятия регулирующих решений исходит из противоречащей Конституции РФ презумпции «верховенства власти над народом», а не провозглашенной Конституцией (статья 3, ч. 1): «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [10, с. 19]. Если строго следовать Конституции, то принятые федеральным Законодательным Собранием законы о реформировании РАН, о реформе общего и высшего образования, многочисленные ограничения в части предоставления населению медицинской помощи и другие приняты и принимаются с нарушением Конституции Российской Федерации, — без предварительного обсуждения профессиональным сообществом и одобрения общероссийским референдумом.

Предлагаемая практика, по оценкам большинства отечественных и зарубежных специалистов, во-первых, будет способствовать существенному повышению качества государственно-правовых регуляторов, объективной оценке сложившейся в обществе потребности в обновлении регулирующего воздействия для поддержания устойчивости, сбалансированности, социальной и экологической направленности развития. Проблема качества регулирующего воздействия в условиях глобализации и обновления внутристрановых источников и факторов развития становится для Российской Федерации приоритетной задачей. Именно качество государственного управления и регулирования социально-экономических и общественных процессов, отсутствие социально и общественно значимых результатов перманентных и слабо проработанных программ по реформированию всего и вся ограничивают возможности Российской Федерации стать одним из лидеров мирового развития.

Во-вторых, повысит ответственность и будет мотивировать представителей власти всех уровней, чиновников и разработчиков регулирующих нормативных актов более ответственно относиться к разработке и экспертизе, обсуждению и учету предложений, принятию и мониторингу всего процесса их воплощения. Реализация высказанного предложения, на наш взгляд, будет более результативной и действенной, если в обсуждаемом проекте будут указаны инициатор (инициаторы), мотивы и целесообразность принятия нормативного акта, разработчики и эксперты проекта, прогнозируемые результаты его реализации.

В-третьих, укрепит доверие населения и всего российского сообщества к власти и проводимой ею политике по развитию демократических принципов управления общественным развитием. Не очень продолжительная практика использования института обратной связи городской власти Екатеринбурга с городским сообществом показала и доказала, что подобный институт способен внести новые импульсы в процессы системного развития не только крупных городов и муниципальных образований, но и регионов, федеральных округов и страны в целом. Импульсы, опирающиеся на взаимное уважение «власти к населению, ее избравшему» и «населения к власти, достойно представляющей народное доверие».

В добавление к сказанному хотелось бы еще раз сослаться на мнение инициатора, архитектора и творца сингапурского «реформаторского чуда» Ли Куан Ю, неоднократно заяв-

лявшего, что успех реформы основан главным образом на двух факторах. С одной стороны, на сплоченной, высокопрофессиональной команде единомышленников, способных на высоком уровне и бескорыстно решать поставленные перед ними задачи по преобразованию страны и выводу ее на мировой уровень развития. С другой — на поддержке проводимых преобразований, в том числе и достаточно жестких решений (штрафы до 3000 долл. за брошенный мимо урны окурок или жестокое обращение с домашними животными), в соответствии с мнением жителей и при их публичном одобрении. Институт обратной связи власти и населения можно сравнить с дорогой со встречным движением, которая ускоряет движение и делает его более комфортным, освобождая от излишних заторов, пробок и других сдерживающих движение препятствий и чрезмерных ограничений.

5. Использование разнообразных механизмов и институтов плановой и рыночной направленности для привлечения к реализации государственного регулятора максимального количества заинтересованного населения. Для этого, как нам представляется, будет полезно не только определять ответственный за реализацию государственно-правового регулятора орган, но и обязывать его осуществлять мониторинг хода его исполнения для своевременной корректировки и обновления в связи с меняющимися условиями. Государственно-правовой регулятор, как и любой регулирующий документ, имеет свой жизненный цикл действия, а потому требует постоянного и своевременного обновления и замены. Нельзя работать на опережение, не внося своевременных корректив в действующие регуляторы, не нацеливая участников социально-экономических и общественных отношений на обновленные и достижение более значимых результатов.

ГПР по своей природе и назначению можно рассматривать как разновидность проекта, последовательная реализация которого может осуществляться исполнительной дирекцией при ведомстве или органе, которому поручено сопровождать и контролировать процесс его реализации. Понятно, что данное предложение вызывает негативное восприятие из-за возможности увеличения численности чиновников, но для обсуждения и «пользы для» данное предложение имеет право на обсуждение. Тем более, что подобные предложения в научной литературе уже высказывались [6, с. 35-36].

Современные модели регулирующего воздействия на социально-экономическое развитие

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. и его последствия, особенно ощутимые для российской экономики, в очередной раз поставили перед руководством и всем обществом вопрос о способности либерально-рыночной модели обеспечивать стабильно устойчивый и социально ориентированный рост экономики при относительно высокой занятости населения и росте его доходов. В своем докладе «2013. Тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов», сделанном на заседании «Меркурий-клуба», Е. М. Примаков показал и аргументированно объяснил существующие изъяны и провалы рыночного саморегулирования, которые в принципе невозможно устранить и даже минимизировать в рамках либерально-рыночной модели [18, с. 5]. Докладчик основывает свою позицию на оценке Президентом В. В. Путиным, которую он дал в Послании Федеральному Собранию, что экономический спад в России в 2013 г. обусловлен внутренними, а не внешними причинами. Е. М. Примаков выделил восемь причин, которые дают основание требовать принципиальной корректировки неолиберального курса Правительства РФ. Обратим внимание лишь на одну — принципиальную позицию неолибералов относительно социальной справедливости. По их мнению, именно свободная конкуренция «экономических сил», а не государственное регулирование, обеспечивает и поддерживает социальную справедливость в обществе. Докладчик задается вопросом: почему в таком случае развитые в рыночном отношении страны практикуют государственное ограничение в ценообразовании на жизненно важные продовольственные и лекарственные товары, поддерживают на доступном уровне ипотечный кредит.

На фундаментальную неопределенность рынка и рыночного саморегулирования обращает внимание российских ученых и политиков Ю. Я. Ольсевич, утверждая, что «кризис в очередной раз опроверг более четверти века бытовавшее утверждение, что теория и практика уже утвердительно ответили на него, а мнение Дж. Кейнса — лишь опасная ересь» [17, с. 92]. По его мнению, корректное изучение исторического опыта (в США 1945–1975 гг.; 2008–2009 гг.) свидетельствует, что «фундаментальная неопределенность рынка может быть преодолена лишь при условии обеспечения оп-

тимально необходимого и скоординированного государственного регулирования на всех трех уровнях — макро-, мезо- и микроуровне... Рынок способен к конкурентному саморегулированию лишь в той мере, в какой государство обеспечивает регулирование институциональных и организационных основ рынка, а также его макропропорции» [17, с. 95].

Очередным аргументом сторонников универсальности рыночного саморегулирования называется понижающаяся эффективность государственного регулирования и функционирования государственных корпораций. На самом деле, по оценке Е. М. Примакова, именно государственные корпорации остаются локомотивами экономического развития Российской Федерации, хотя претензий к их работе высказывается много и в большинстве своем справедливых. В то время как российский Газпром приоритетом своей деятельности продолжает считать полученное от государства право на ежегодное повышение цен на газ на внутреннем рынке, французские энергетические компании, полностью или частично принадлежащие государству, за последние 15 лет осуществили успешную международную ценовую и сервисную экспансию. Эта тенденция, в общем и целом, стала результатом процесса консолидаций, организованных и направляемых государством во исполнение плановых директив ЕС для осуществления успешной конкуренции на европейском и мировом рынках.

Сравнивая результативность регулирующего воздействия российского и французского правительств, Янник Мирер, доктор, основатель журнала «Politique américaine», учредитель и президент Nexus Forum, — независимой организации по проведению семинаров по экономике и промышленному развитию развивающихся рынков (Париж — Нью Йорк), приводит примеры успешного согласования и интеграции государственных плановых регуляторов с самоорганизацией государственных и частных компаний для поддержания общественной устойчивости и наращивания конкурентных преимуществ на мировом рынке. По его мнению, скорее «политическая, чем правовая обстановка, в которой развивается российская государственная промышленность, не создает аналогичных возможностей и препятствует шансам получения международного статуса российским промышленным группам» [14, с. 161]. Именно политическая обстановка в Российской Федерации с начала рыночных преобразований 90-х гг. прошлого столетия

Таблица

Динамика валового внутреннего продукта (в сопоставимых ценах, % к предыдущему году) [1, с. 3]

Страна	2201	2003	2005	2007	2009	2011/2000	Место
<i>Высокоразвитые страны</i>							
Швеция	101,1	101,5	103,2	103,3	94,7	104/124,5	1
Канада	101,9	101,7	103,0	102,2	97,2	102,5/123,7	2
США	100,8	102,7	103,1	101,9	96,5	101,7/119,2	3
Англия	102,3	102,2	102,2	102,7	95,6	100,7/115,1	4
Франция	102,1	100,8	101,9	102,2	97,3	101,7/114,3	5
Германия	101,2	100,0	100,9	102,8	94,9	103,0/113,5	6
Япония	100,4	102,6	101,9	102,3	94,5	99,3/109,6	7
<i>Развивающиеся страны</i>							
Китай	107,2	110,2	111,3	114,2	109,2	109,2/292,5	1
Индия	105,8	108,2	109,5	109,3	106,6	107,2/225,5	2
Россия	105,1	107,3	106,4	108,5	92,2	104,3/166,8	3
Словакия	103,8	104,5	106,7	110,6	94,9	104,0/165,9	4
Чили	103,8	103,7	105,6	105,1	99,0	106,1/157,0	5
Южная Корея	103,8	103,1	104,0	105,1	100,3	103,7/155,6	6
Польша	101,0	103,9	103,6	106,8	102,0	104,4/152,4	7
<i>Страны постсоветского пространства</i>							
Азербайджан	109,9	111,2	126,4	125,0	109,3	100,1/403,0	1
Казахстан	113,5	109,3	109,7	108,9	101,2	107,5/238,0	2
Армения	109,6	114,0	113,9	113,7	85,9	104,7/225,0	3
Белоруссия	104,1	107,0	109,4	108,6	100,2	105,3/213,3	4
Украина	109,2	109,6	102,7	107,9	85,2	105,2/160,2	5
Литва	106,4	109,7	107,8	109,8	85,3	105,9/160,0	6

была и остается основным тормозом использования «конвергентной» модели социально-экономического развития.

Многолетний пример соединения государственных (плановых, программно-проектных, индикативных) регуляторов с рыночным саморегулированием в единой «смешанной модели хозяйствования» демонстрируют Швеция, Китай, Индия, Казахстан, Белоруссия и другие, в том числе развитые страны, показатели развития которых достойно представляют преимущества избранной модели (табл.).

Если задаться вопросом, какие политические идеи и теоретические модели использовали новые индустриальные страны (НИС), Китай, Индия, Вьетнам, Финляндия и др. страны, обеспечившие себе опережающий рывок в экономическом развитии, окажется, что совсем не те, которые нашему обществу навязываются с начала 90-х гг., и до сего времени в названных странах государство посредством государственно-правовых регуляторов обеспечивало и продолжает обеспечивать «жесткое дирижирование» всеми процессами социально-экономического и общественного развития

в нужном общественному мнению направлении. Не отказываясь от рыночных институтов, государство стало инициатором и генеральным разработчиком национального проекта по социально-экономическому и общественному его обновлению с целью вывести на более высокие рубежи научно-техническое и производственное развитие, сформировать новое качество жизни населения страны.

Не нарушая высказанных выше необходимых требований, которым должны соответствовать все принимаемые государством регуляторы, сошлемся на мнение российского населения, которое было высказано в 2012–2014 гг. в части предпочтений к плановым и рыночным институтам регулирования. В январе – марте 2013 г. «Левада-центр» провел опрос более 10 тыс. россиян из 47 регионов «Целесообразность использования института планирования в российской практике». Результаты опроса резко расходятся с политическим курсом Правительства РФ, но вполне соответствуют мнению большинства российского населения. Более 51% опрошенных считают целесообразным использовать институт

планирования, особенно в части социально-экономического развития. Если же исключить из опрошенных жителей Москвы и Санкт-Петербурга, которые по понятным причинам выступают за рыночные регуляторы, то целесообразность планирования поддерживает более 59% населения. Еще 15% опрошенных считают возможным использовать планирование с различными ограничениями и оговорками.

В 2012–2013 гг. Институт социологии РАН опросил 1750 респондентов из 22 субъектов Российской Федерации, но по другому вопросу: «Какой общественный строй наиболее подходит России?». Результаты в очередной раз не укладываются в русло проводимой Правительством РФ социально-экономической и общественной политики. Более 56% респондентов отдали предпочтение модели «смешанной экономики». В границах «смешанной экономики» более 31% опрошенных отдали предпочтение «социализму с плановой экономикой и элементами рыночных отношений» и 25% — «капитализму с рыночной экономикой с элементами планирования и сохранением социалистических принципов» (доступность образования, здравоохранения, государственное регулирование в интересах населения цен и тарифов, дифференцированное налогообложение доходов и др.). 22% респондентов категорично высказались за «социализм с плановой экономикой и господством государственной и колхозно-кооперативной собственности», и лишь 17% отдали предпочтение либерально-рыночной модели — «капитализму со свободной рыночной экономикой и господством частной собственности» [16, с. 27–30].

Результаты названных и некоторых других социологических опросов дают основание считать, что в Российской Федерации сложилось «двухслойное» предпочтение к модели социально-экономического и общественного развития: одно — официально действующее — либерально-рыночное, поддерживаемое меньшинством населения, находящимся «во власти и при власти», а потому и навязывающее большинству исключительно рыночную модель развития. Модель, явно не способную, как показали более чем 20 лет рыночных преобразований, изменить в лучшую сторону динамику социально-экономического и общественного развития страны, обеспечить и поддерживать общественно-политическую и социально-экономическую устойчивость и стабильность в стране.

Другое — модель «смешанной экономики», официально не признанной, но активно под-

держиваемой большинством населения. По разным опросам, лишь 20–25% (в начале 90-х гг.), а сейчас — от 17 до 21% населения готовы поддержать классический вариант либерально-рыночной модели. Правда, и исключительно «советскую» модель в ее классическом виде готово поддержать лишь 20–26% взрослого населения. Большая часть взрослого населения (до 60%) стабильно отдает предпочтение смешанной, или конвергентной, модели развития экономики и общества в целом, основанной на оптимальном, с учетом предпочтений большинства населения, сочетании плановых и рыночных институтов и механизмов. Среди аргументов называется несколько заслуживающих внимания обстоятельств.

Во-первых, как бы ни критиковался социализм за его изъяны и чрезмерную плановую централизацию всего и вся, по своей сути и социальной направленности он может претендовать на одну из самых социально справедливых и устойчивых моделей общественного развития. Всеобщая доступность и государственная поддержка всеобщего (общего и высшего) образования, его качество и востребованность остаются образцами подражания для многих государств и народов. Качество медицинских услуг, как и вся система здравоохранения, далеко не по всем показателям отвечали потребностям населения. Но медицинское обслуживание было доступно для каждого, нуждающегося в помощи. Не было и такой резкой дифференциации населения по уровню доходов. По оценкам Е. М. Примакова [18, с. 5], 110 российских миллиардеров контролируют 35% всех российских активов. По мнению международной финансовой корпорации Credit Suisse Group, на которую он ссылается, «во время переходного периода были надежды на то, что Россия будет преобразована в высокодоходную экономику с высококвалифицированными работниками и сильными программами социальной защиты, унаследованными от советского времени. На практике получилась почти пародия».

По количеству вузов, объектов здравоохранения и даже по количеству дипломов о высшем образовании сегодняшняя Россия вряд ли уступает Советскому Союзу. А вот по грамотности, профессиональным навыкам, способности современного учителя, профессора вуза качественно учить, врача — качественно лечить, ученого — качественно заниматься научными исследованиями Россия не просто отстала. Она взяла, по оценкам большинства населения, курс на «отстать навсегда»... Разрешив

создание и функционирование частных образовательных, медицинских и научно-исследовательских организаций, государство одной рукой развернуло целевую направленность их деятельности с качества подготовки (лечения, исследований) под общественные потребности, на зарабатывание денег, которое стало и целью деятельности, и основным мотивом, и конечным результатом. Другой «государевой рукой» было «высочайше разрешено» государственным бюджетным учреждениям образования, здравоохранения, науки и другим в интересах «сокращения нагрузки на бюджет» вводить плату за оказание государственных услуг, что неизбежно привело к увеличению нагрузки на работников и... к закономерному снижению качества государственных услуг в образовании, здравоохранении, научных исследованиях, да и во всех других (культуре, искусстве) сферах. Население этот политический разворот вполне объективно оценило как «вредный» и опасный для всего общественного развития. Те, кто сомневается в справедливости данного утверждения, могут убедиться в этом, проверив на грамотность любую работу, вплоть до кандидатской диссертации, выпускника общеобразовательной школы конца 1990-х — начала 2000-х гг. И сомнения пройдут сразу.

Во-вторых, конкурентный рынок может и должен рассматриваться как необходимое, но отнюдь не основное условие для устойчивого и гармоничного развития экономики и общественного благополучия. Конкурентный рынок в оценках большинства специалистов рассматривается лишь как наиболее благоприятная среда, которая может обеспечить, а может и не обеспечить успешное развитие и общественное процветание. Только многообразие форм собственности и многоукладность экономики при централизованном плановом регулировании приоритетных для общества направлений развития с подключением наиболее эффективных и результативных источников и институтов могут обеспечить устойчивое и гармоничное функционирование всего общества. «Предоставленная самой себе экономика, — по справедливому утверждению Г.Н. Цаголова, — не способна стабильно развиваться» [29, с. 229-230], и — добавим — в интересах всего населения России.

Только подчиненная обществу в целом, его научно обоснованным потребностям и общественно значимым интересам, находящаяся под регулирующим политическим и социальным контролем рыночная система хозяйствования обретает завершенную це-

лостность и полноценную способность к устойчивому и системному развитию и обновлению. Регулирующие функции государства приобретают в этих условиях качества базисных стандартов общественного поведения всех участников рыночной системы хозяйствования, а рыночная система хозяйствования достигает своей завершенной формы, эффективно и результативно функционируя в интересах всего населения, а не избранной его части.

В-третьих, соотношение рыночных и «социалистических» регуляторов и институтов в каждой национальной модели «смешанной» экономики может и должно быть разным, в зависимости от политических, исторических, национальных и культурных особенностей. При разности культур, вероисповедания, политических структур и образа жизни населения, к примеру, в Белоруссии и Казахстане функционируют смешанные планово-рыночные системы хозяйствования как основа их более устойчивого развития. Но в Белоруссии преобладают планово-регулирующие формы воздействия государства на социально-экономическое развитие, тогда как в Казахстане, наоборот, преобладают рыночные и частно-капиталистические уклады. Но и в той и другой национальных социально-экономических системах поддерживается баланс двух несхожих и во многом противоположных, но взаимодополняющих государственных и рыночных регуляторов.

На основе гибкого и взвешенного сочетания плановых государственных регуляторов и рыночного саморегулирования на микроуровне успешно, в сравнении с другими странами, развивается экономика Китая, Индии, Вьетнама и некоторых других стран.

Конвергенционные процессы в Бразилии выдвинули ее экономику на пятое место в мировом рейтинге. Пришедшие к власти «новые левые» отказались от «революционного устранения» частной собственности, а сконцентрировали общественные усилия на минимизации и искоренении массовой бедности населения. Программу экономического роста Бразилии многие эксперты рассматривают как образец оптимального государственного регулирования макроэкономических процессов с рыночным саморегулированием микроэкономических процессов под регулирующим контролем общества. Руководством Бразилии создана модель общества на основе объединения положительных качеств рыночной и плановой систем хозяйствования. По оценкам специалистов,

бразильская «буржуазия... поддерживает политику, направленную на смягчение классовых антагонизмов, так как это уменьшает риски социального взрыва и обеспечивает стабильное развитие» (Дж. Сакс. Интервью. «Financial Times». Цит. по [20, с. 177]).

В-четвертых, с точки зрения объектов регулирующего воздействия плановых и рыночных регуляторов международная практика стран со смешанной экономикой дает основание утверждать: прогнозно-плановые государственные регуляторы наиболее эффективны и результативны при регулировании макроэкономических процессов, реализации общественно значимых проектов и программ, требующих мобилизации средств и ресурсов, инициативы и предприимчивости, профессионализма и общественной активности всего населения.

Решение общенациональных проблем модернизации и реструктуризации общественного производства, оперативное инновационное обновление его материально-технологической базы, инфраструктурное обустройство российского пространства и его заселение практически невозможны без государственного регулирующего дирижирования. Понятно, что в этих условиях необходимы государственные мотивационные регуляторы для создания необходимых условий для внутренних и внешних инвесторов, бизнеса и населения. Важно убедить основную часть населения подключиться к этим процессам созданием высокотехнологичных и, как следствие, высокооплачиваемых рабочих мест и развитой инфраструктуры. Гарантировать создание этих условий может только государство, привлекая бизнес на основе государственно-частного партнерства (ГЧП).

Рыночные саморегулирующие механизмы и институты, как свидетельствует более чем двухвековой опыт развитых рыночных стран, наиболее эффективно выполняют свои регулирующие функции на микроуровне, в отношениях между рыночными агентами, ими и работниками, государством и его структурами при выполнении государственных заказов и

конкурсных проектов и при соответствующем контроле со стороны покупателя, заказчика, потребителя и общества в целом.

В-пятых, предложенное разграничение сфер регулирующего воздействия плановых и рыночных механизмов во многом условно, ибо модель «смешанной экономики» основана не на противопоставлении, а на объединении плановых и рыночных регуляторов и их взаимодействии для достижения большего эффекта и результативности. Планирование модернизационных обновлений приоритетных для страны сфер не может быть результативным без активного использования рыночных институтов и механизмов мотивации и внутрифирменного контроля. Институт государственно-частного партнерства, как и некоторые другие институты (социальной ответственности бизнеса, трехсторонние комиссии и др.), зародились и развиваются, на наш взгляд, исключительно как институциональная основа формирования смешанной (конвергируемой) модели социально-экономического и всего общественного развития.

Возрастающие потребности регионов и муниципалитетов в системном и устойчивом развитии при нарастающем дефиците их бюджетной обеспеченности побуждают активнее привлекать средства населения и бизнеса использованием института ГЧП для обустройства и развития территорий. Для этого отдельные (пока) муниципалитеты, в основном города-миллионники, начали внедрять институт программно-проектного развития территории, органично соединяя в одном документе — стратегическом плане — прогнозные параметры развития с рыночными потребностями и возможностями городского предпринимательского сообщества и предпринимателей из сопредельных территориальных образований. Результаты их работы [23, с. 19-25] позволяют утверждать, что смешанная модель экономики позволяет использовать в интересах развития преимущества рыночной и плановой систем. Было бы понимание, бескорыстие, политическая воля... И все получится.

Список источников

1. Басковский В., Киселев В. Об управлении экономическим ростом и развитием // Инвестиции в России. — 2014. — № 2. — С. 3-14.
2. Бочарова А. К. Развитие института оценки эффективности государственного управления // Мировая экономика и международные отношения. — 2013. — №9. — С. 69-75
3. Гэлбрейт Дж. К. Третий кризис в экономической науке // Мир перемен. — 2013. — №1. — С. 24-28.
4. Дасковский В. Б., Киселев В. Б. Контуры новой модели развития экономики России. — М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2013. — 592 с.
5. Зутлер И. А. Оптимальность выбора марковским блужданием // Журнал новой экономической ассоциации. — 2013. — №4. — С. 33-51.

6. Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства / С. Б. Авдвшева, Р. А. Кокорев, П. В. Крючкова, С. П. Плаксин, А. Е. Шастико ; Бюро экономического анализа. — М.: ТЕИС, 2006. — 255 с.
7. Кириллова Н. Адам Смит и «невидимая рука» // Человек и труд. — 2013. — № 11-12. — С. 13-18.
8. Клейнер Г. Б. Экономические задачи не решить без участия государства // Экономика. Налоги. Право. — 2013. — № 2. — С. 7-10.
9. Конопатов С. Н. Методология государственного управления РФ. Анализ реформы академии наук // Менеджмент в России и за рубежом. — 2013. — №6. — С. 50-53.
10. Конституция Российской Федерации: к 15-летию принятия Основного закона. Тексты. Комментарии. — М.: Статут, 2009. — 239 с.
11. Ли Куан Ю. Сингапурская история. Из третьего мира в первый. 1965–2000. — М.: Манн, 2013. — 347 с.
12. Макаров В. Л. К вопросу о проектной экономике // Экономические науки современной России. — 2013. — № 3. — С. 8-14.
13. Марголин А., Бучнев О. Правотворческая деятельность. Оценка регулирующего воздействия // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — №1. — С. 24-28.
14. Мирер Я. Ограниченная Россия // Мир перемен. — 2011. — № 4. — С. 153-169.
15. О состоянии делового климата в России. Доклад. Краткая версия. — М.: Изд-во РСПП, 2013. — 53 с.
16. О чем мечтают россияне. Идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Ктумма, Н. Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — 400 с.
17. Ольсевич Ю. Я. Экономическая наука и политика перед фундаментальной неопределенностью рынка // Вопросы экономики. — 2013. — №6. — С. 92-95.
18. Примаков Е. М. 2013. Тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неолибералов. Доклад на заседании «Меркурий-клуба» // Российская газета. — 2014. — №6 (15.01.2014). — С. 5.
19. Пушкаревская А. Основной закон не нов, но это закон. Участники конференции в КС по-разному поняли Владимира Путина // Коммерсантъ. — 2013. — № 210 (15.11.2013). — С. 1-2.
20. Роуз К. Ученые о причинах, проблемах и перспективах преодоления глобального экономического кризиса // Мир перемен. — 2013. — №1. — С. 172-186.
21. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. / Предисл. В. С. Афанасьева. — М.: Эксмо, 2009. — 960 с. — (Антология экономической мысли).
22. Татаркин А. И. Государственно-правовое регулирование в России. Как его оценивать? // Экономика и управление. — 2013. — №9. — С. 3-10.
23. Татаркин А. И., Некрасов А. А. Теоретико-методологические подходы к оценке стратегий городов-миллионников. Роль местного сообществ // Управленец. — 2014. — №1. — С. 19-25.
24. Титов Д. Бизнес и граждан приглашают контролировать госрасходы // Экономика и жизнь. — 2014. — №05 (7.02.2014). — С. 1-2.
25. Тодосийчук А. Наука как объект государственного регулирования // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — №1. — С. 8-17.
26. Фомченков Т. Соберут у одного окна. Все налоги для малого бизнеса могут заменить одним платежом // Российская газета. — 2014. — №17 (28.01.2014). — С. 5.
27. Хансон М. Неолиберальная налоговая и финансовая политика приводит к обнищанию России // Мир перемен. — 2012. — №3. — С. 49-64.
28. Хрусталева Е. Ю., Рыбасов М. В. Роль государства в экономике. Институционально-эволюционный анализ // Экономический анализ. Теория и практика. — 2013. — № 21. — С. 2-9.
29. Цаголов Г. Н. Почему все не так. — М.: Экономика, 2012. — 356 с.
30. Эйсен Н., Горбунов В. Политэкономические аспекты реализации функций управления системой «наука — производство — потребление» // Общество и экономика. — 2013. — №11-12. — С. 67-84.

УДК 33(09)3

Ключевые слова: модели социально-экономического развития, рынок, рыночное саморегулирование, государство, регулирующие возможности государства, регулирующий потенциал общества, результативность регулирующего воздействия